Археологические вести

— 25 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

25
(2019)

Saint-Petersburg
2019

Археологические вести

25
(2019)

Санкт-Петербург
2019

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская (главные редакторы), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 25** / [Гл. ред. Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2019. — 334 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи каменного века до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника вошли работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся белозерской культуры бронзового века Днестровского бассейна и дискуссии о предроманских культурных импульсах в искусстве древнего Новгорода XI в. В выпуске представлены обзоры и рецензии на новейшую историко-археологическую литературу, информация о сотрудничестве литовских и российских исследователей, работы по истории науки. Среди авторов — ученые из России, Беларуси, Литвы и Болгарии.

The current issue of the annual “rkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS comprises articles devoted to the most recent investigations in the sphere of archaeology, history and culture. The results obtained from studies of ancient settlements and burial sites ranging chronologically from the Prehistoric to Mediaeval periods over the territory of Eurasia are here first published. Some of the articles consider particular archaeological complexes and individual categories of finds. A special section of this collection includes studies on current problems of archaeology concerned with the Belozersk culture of the Bronze Age in the Dniester basin area and a discussion of pre-Romanesque cultural pulses in the art of Novgorod of the 11th century. The annual presents reviews on the latest historico-archaeological publications, information on the cooperation between Lithuanian and Russian researchers and studies on the history of the science. Among the authors there are scholars from Russia, Belarus, Lithuania and Bulgaria.

Первая страница обложки: матрица с изображением сирены из производственного центра художественного литья из цветных металлов у с. Златар Преславского района (к статье С. Дончевой).

First page of cover: Embossing matrix with a representation of a siren from the manufacturing centre of artistic casting of non-ferrous metals near the village Zlatar, Preslav District (article by S. Doncheva)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2019

Предроманский импульс в искусстве древнего Новгорода XI в. «Колонны Дубовой Софии»¹

Н. Н. Точилова, А. А. Слапиня²

Аннотация. В статье представлено новое исследование двух фрагментов монументально-декоративной резьбы XI в. из Великого Новгорода. Приведен критический анализ предшествующих работ, посвященных изучению и атрибуции данных находок. На основе археологических данных и стилистического анализа выдвигается новая гипотеза происхождения новгородской резьбы, согласно которой эти памятники были сформированы под влиянием раннероманского искусства Центральной Европы.

Annotation. This paper presents a new examination of two fragments of monumental decorative wood carving of the 11th century from Veliky Novgorod. A critical analysis of previous studies devoted to investigation and attribution of these finds is proposed. Basing on archaeological evidence and stylistic analysis, a new hypothesis is suggested on the origin of the Novgorod carving art, according to which these monuments emerged under the influence of the early Romanesque art of Central Europe.

Ключевые слова: древнерусское искусство, романское искусство, искусство викингов, деревянная резьба, Великий Новгород, Центральная Европа, XI в.

Keywords: Old-Russian art, Romanesque art, Viking art, wood carving, Veliky Novgorod, Central Europe, 11th century.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-229-244

Происхождение находок и первые гипотезы

Из всех найденных во время археологических раскопок Новгорода предметов декоративного искусства наиболее широко известными и в то же время самыми загадочными

являются две дубовые резные плахи (рис. 1, 1, 2), которые в литературе часто называются «колоннами дубовой Софии» (по одной из версий происхождения). История их обнаружения известна в целом, но не до конца ясна в деталях, а мелкие расхождения авторов первых публикаций порождают неминуемые вопросы и становятся питательной почвой для широкой палитры выводов относительно датировки, бытования и декора предметов.

Два крупных деревянных фрагмента, украшенные плоскорельефной резьбой, сейчас (осень 2017 г.) представленные в экспозиции Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (НГОМЗ), были найдены в 1953 г. на Неревском раскопе А. В. Арциховским. Один из этих фрагментов покрывает плетенка с двумя медальонами,

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Фонда содействия развитию российско-шведских отношений имени Сверкера Острёма (The Sverker Åström Foundation) в феврале-мае 2017 г.

² Точилова Н. Н. — кафедра маркетинга и социальных коммуникаций, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Институт гуманитарных и социальных наук. Лермонтовский пр., д. 44, Санкт-Петербург, 190103, Россия. E-mail: arhivolt@yandex.ru; Слапиня А. А. — Музей русской иконы. Гончарная улица, 3/1, Москва, 109240, Россия. E-mail: annaslapina@gmail.com.

Fig. 1. 1, 2 — Деревянные полуколонны из Новгорода; 3 — каменная плита из Вавеля; 4 — реконструкция орнамента на каменной плите из Вавеля (Malik, 2000/2001)

Fig. 1. 1, 2 — Wooden half-columns from Novgorod; 3 — stone plate from Wawel; 4 — the reconstruction of ornament of the stone plate from Wawel (Malik, 2000/2001)

в верхнем из которых изображен, по всей видимости, грифон, а в нижнем — кентавр (предмет был расколот вдоль, так что сохранились только половины медальонов с задними частями туловищ животных). Оба существа имеют тела хищных зверей и длинные, закрученные в сложную плетенку хвосты. Резьба занимает всю изобразительную поверхность сохранившегося фрагмента. Плетеный

орнамент, выполненный по краям в виде сетки с равновеликими, нетугими ячейками, ближе к центру постепенно переходит в округлые, одинаковые петли. В верхней части композиции располагается фриз из двойной косы, состоящей из ряда перевитых линий. Аналогичный декоративный пояс проходит по верхнему краю второй плахи, на которой изображен сильно стилизованный растительный побег,

условная пальметта копьевидной формы: центральный треугольный лист «прорастает» из мощного стебля с двумя закрученными по бокам побегами. На вершине пальметты помещен еще один растительный элемент в виде двойного симметричного побега, боковые ответвления которого переходят в абстрактные растительные завитки.

Впервые находки были представлены А. В. Арциховским в не содержащей иллюстраций статье, вышедшей в № 4 Вестника Московского университета за 1954 г. (Арциховский, 1954). Согласно этой первой публикации, они были обнаружены в 20-м строительном ярусе, на тот момент датированном серединой XI в. Приводимые автором размеры: фрагмент с медальонами — L = 111 см, D = 59 см; фрагмент с пальметтой — L = 80 см, D = 51 см. А. В. Арциховский считал, что изначально они представляли собой круглые деревянные столбы, вырезанные в начале XI в. и, вероятно, использовавшиеся как опоры крыльца. Отслужив свой век, эти столбы были разрушены на плахи и употреблены для замощения двора.

Вторая публикация принадлежит П. И. Засурцеву, который упоминает их в своей книге «Новгород, открытый археологами» (Засурцев, 1967. С. 98–99), но приводит несколько иные обстоятельства находки. Согласно его версии, деревянные детали были вторично использованы не для замощения двора, а как подкладки под дом. Изначально же они могли принадлежать первому — деревянному — Софийскому собору (отсюда и закрепившееся в некоторых источниках название). Как и А. В. Арциховский, П. И. Засурцев считал, что эти фрагменты остались от круглых колонн, но приводил совершенно другие размеры: 150–170 см.

Также находки дважды опубликовал Б. А. Колчин. В первом томе «Трудов новгородской археологической экспедиции» (Колчин, 1956. С. 100), вышедшем в 1956 г., он писал, что они были вторично использованы как опорные плахи пола, а в своде «Новгородские древности. Резное дерево» (Колчин, 1971. С. 24–25), выпущенном в 1971 г., называл

их плахами под венец дома. В публикации 1971 г., увидевшей свет уже после создания дендрохронологической шкалы Новгорода (Гайдуков, 2010. С. 107), была уточнена и хронология 20-го яруса — теперь он стал датироваться 1040–1080-ми гг. Эта дата закрепились за находками во всех последующих исследованиях. Кроме того, в этой публикации Б. А. Колчин обратил внимание на то, что раппорт детали с плетенкой не обрывается, а загибается, образуя своеобразный бордюр. На основании этого он впервые озвучил предположение, что изначально это были не колонны, а полуколонны. Сегодня это мнение также закрепилось в литературе.

Первые мнения искусствоведов

Ко второму этапу изучения новгородских полуколонн можно отнести публикации историков искусства и архитектуры. К фрагментам обращались разные исследователи, однако чаще всего их использовали в качестве иллюстраций при обсуждении общих тем. Например, интерьера древнерусского жилища или орнаментального убранства фасадов храмов. Предметом отдельного исследования в советский период они так и не стали. Более того, вопрос об изначальном бытовании находок каждый автор решал по-своему, чаще всего просто высказывая, но не берясь доказывать свое мнение, а подчас и не принимая во внимание статьи других исследователей.

Несмотря на расхождения в вопросе первоначального назначения новгородских полуколонн, относительно их декора долгое время не было серьезных споров. О нем либо не писали вовсе, либо опирались на мнение, высказанное А. В. Арциховским еще в первой публикации. Согласно его теории, плетенка, которой украшена одна из находок, имеет славянское происхождение, аналогии ей он находит в каменной резьбе Далмации и Польши. Фигуры животных А. В. Арциховский сравнивает с владимиристо-суздальскими рельефами и видит сходные с ними изображения на стенах Георгиевского собора Юрьева-Польского. На основании этого он делает вывод, что на новгородской полуколонне мы

видим ранний вариант той художественной традиции, которая затем в полной мере проявила себя во владими́ро-суздальском зодчестве (Арциховский, 1954).

Теорию славянского происхождения декора полуколонны с плетенкой, высказанную А. В. Арциховским, российские ученые сегодня считают устаревшей, так как примеры, приведенные автором, стилистически крайне далеки от того, что мы видим на новгородском фрагменте. Очевидно, что на сложение этой концепции повлияла не только междисциплинарная разница (А. В. Арциховский подчас достаточно вольно подходит к вопросам истории искусства), но и исторический период. Время обнаружения находок совпало с очередным витком обострения «норманнского вопроса», в решении которого А. В. Арциховский занимал жесткую антинорманистскую позицию (Клейн, 2009. С. 38). В такой ситуации круг памятников, в принципе рассматриваемых автором, ограничивался искусством славянского мира, а приведенные примеры, по всей видимости, были порождены ограничением в выборе источников — они взяты из довольно общего труда Й. Стржиговского «Древнеславянское искусство» (Strzykowski, 1929).

Попытка вписать новгородские находки в систему древнерусской домонгольской деревянной архитектуры принадлежала Ю. П. Спегальскому. Согласно его реконструкции, которую, однако, сам автор считал гипотетической в силу единичности находок и из-за отсутствия дополнительных доказательств, дубовые фрагменты являлись частью жилой постройки. Правда, предложенная автором атрибуция достаточно широка — они могли быть частью галереи или сеней (Спегальский, 1972. С. 172). Ю. П. Спегальский обратил внимание на конструктивные особенности памятников — гладкий пояс у верхнего края фрагментов, который, вероятно, отделял столбы (автор считает, что фрагменты принадлежат столбам) от их завершения, и вертикальную полосу, обрамляющую край орнамента. Автор считает, что она свидетельствует о наличии вертикального шпунта,

служившего для крепления к этому столбу досок или плах.

Палитра приведенных гипотез происхождения новгородских находок была бы неполной без упоминания еще двух публикаций. Г. Н. Бочаров в книге «Прикладное искусство Новгорода Великого» высказал мнение, что имеющиеся фрагменты могли быть остатками интерьерных столбов (Бочаров, 1969. С. 75–76), а В. Л. Янин в научно-популярной статье «День десятого века», опубликованной в журнале «Знание — сила», предположил, что перед нами детали храма Спаса Преображения на Разваже (Янин, 1983. С. 18). Стоит заметить, что, кроме того, в статье В. Л. Янина приведена другая, куда более поздняя, дата слоя, в котором были обнаружены находки, — начало XII в., а также обратить внимание на одно утверждение автора, согласно которому из дуба в Новгороде строили только храмы, но не жилые и хозяйственные постройки.

«Скандинавский след» при поиске аналогий

Третий этап изучения памятников начинается в середине 1990-х гг. и характеризуется смещением фокуса исследовательского внимания со славянской на скандинавскую художественную традицию.

Начало ему было положено в небольшой статье архитектора и историка архитектуры И. Н. Кудрявцева «Деревянные полуколонны из Новгорода и их североевропейские аналогии» (Кудрявцев, 1995), опубликованной в 1995 г. Автор сделал смелое и неожиданное предположение о том, что найденные в Новгороде резные полуколонны могли являться частью декора здания, аналогичного скандинавским столбовым или мачтовым церквям (ставкирам).

Идея существования скандинавской столбовой церкви в Древнем Новгороде покажется не такой фантастической, если обратиться к истории Готского двора — торговой фактории готландских (а позже и ганзейских) купцов. Из источников нам достоверно известно, что на Готском дворе располагалась церковь св. Олафа, о времени строительства которой

существует несколько мнений. Е. А. Рыбина связывает возникновение и церкви, и всего Готского двора с легендой о посаднике Добрыне, то есть с рубежом XI–XII вв. (Рыбина, 1986. С. 19). Однако другие исследователи не исключают ее появления раньше, вскоре после утверждения культа святого (1031 г.) (Джаксон, 2001. С. 100–102), который бывал на Руси при жизни и некоторые чудеса которого, согласно текстам, происходили в Новгороде (Мельникова, 1996). Вероятно, если и говорить о существовании в Новгороде XI в. церкви столбовой конструкции, то ею должна быть церковь св. Олафа. Но даже если принять ранние даты возникновения этой постройки, место ее нахождения ограничено Готским двором, располагавшимся на Торговой стороне, рядом с резиденцией князя (Рыбина, 1986. С. 19). Деревянные резные полуколонны были найдены на Софийской стороне — на Неревском раскопе, в прямо противоположном конце Новгорода. Вероятно, новгородцы не стали бы переносить остатки разрушенной церкви так далеко, чтобы употребить их как бросовый материал для вымостки двора или в качестве подкладок под дом.

Несколько иного мнения о топографии возможной постройки столбовой конструкции придерживаются В. Я. Конецкий и К. Г. Самойлов, чья статья «О некоторых аспектах культуры средневекового Новгорода» (Конецкий, Самойлов, 1999) окончательно закрепила в российской науке мнение о скандинавском происхождении полуколонн. Авторы приводят сведения о наличии на усадьбе «А» Неревского раскопа необычной для Новгорода постройки, ориентированной, в отличие от стандартной усадебной застройки, не параллельно улицам, а по линии восток–запад. Сооружение, получившее наименование «Д», археологически зафиксировано в ярусах 26, 22–20 и 17–14, то есть с 989 по 1268 г. с небольшими интервалами. При этом лишь в 15-м ярусе (1224–1238 гг.) оно начинает фиксироваться как сруб. До этого его конструкция неясна, но археологическое состояние постройки не противоречит тому, что она могла представлять собой каркасное

сооружение. Из этого авторы делают вывод, что, вероятно, перед нами остатки церкви, сначала построенной в скандинавской строительной технике, а в начале XIII в. перестроенной в виде сруба.

Концепция И. Н. Кудрявцева, В. Я. Конецкого и К. Г. Самойлова была бы убедительной, если бы тщательно реконструированная архитектурно-археологическая ситуация давала однозначные выводы о каркасном характере постройки, а не лишь о ее непонятной конструкции, и если бы предположение о наличии на усадьбе «А» выполненной в скандинавской строительной технике церкви находило отражение в стилистике резных фрагментов. Но именно на этом этапе мы сталкиваемся с существенным противоречием: плетенка, которой декорирована новгородская находка, не соответствует ни одному из бытующих в Скандинавии в этот период стилей.

Этому стилистическому несоответствию российские ученые обычно не придают значения. Так, В. Я. Конецкий и К. Г. Самойлов считают декор скандинавским *a priori* («...любой непредвзятый исследователь не может не видеть североевропейские аналоги плетеному орнаменту на „колоннах“...» (Конецкий, Самойлов, 1999. С. 6)), а И. Н. Кудрявцев приводит в подтверждение своей концепции три норвежских примера: церковь в Дале (Dal), Лардале (Lardal) и Ойфьеле (Øyfjell). Однако все они относятся уже к XIII–XIV вв., когда скандинавское искусство переживает сильное влияние романского стиля. «Романизация» скандинавского искусства начинается в начале XII в. и сопровождается появлением нового, нехарактерного для изобразительного строя эпохи викингов набора черт (Fuglesang, 1981. С. 96–125). При этом изображения в медальонах, которые могут быть сопоставлены с теми, что мы видим на новгородских полуколоннах, фиксируются на откосах норвежских деревянных порталов самое раннее во второй половине XII — XIII в., и именно эти композиционные элементы скандинавские исследователи связывают с приходом традиции англо-французской школы Шанель

(Channel School) (Hohler, 1999. С. 101–102), то есть выделяют как привнесенные романские, а не автохтонные.

Вместе с тем новгородские находки археологически датируются 1040–1080 гг., а вырезаны, вероятно, не позже середины XI в. (учитывая, что они еще какое-то время должны были служить по своему прямому назначению). Иными словами, если бы эти предметы были созданы под влиянием скандинавской традиции, то это была бы традиция искусства эпохи викингов, а не «романизированное» скандинавское искусство XII в. В рассматриваемый промежуток времени в Скандинавии существуют стили «Маммен» (960–1020 гг.), «Ригнерике» (980–1090 гг.) и «Урнес» (1050–1170 гг.)³ (Glosecki, 2016. С. 20), однако декор новгородской «колонны» не относится ни к одному из них.

Мнение скандинавских исследователей

Именно это несоответствие побудило включиться в дискуссию скандинавских ученых, что сделало новгородские «колонны» известными за пределами российской научной традиции. В 2003 г. ведущий исследователь резного декора норвежских каркасных церквей Э. Хулер (Erla Hohler) выпустила статью «Two wooden posts found in Novgorod: a note on their date and stylistic connection» (Hohler, 2003), в которой убедительно доказала, что декор полуколонн не имеет отношения к Скандинавии. Э. Хулер делает свои выводы исходя непосредственно из стиля, а не из конструктивных особенностей или археологического контекста. В своем исследовании она применила схему, используемую в изучении скандинавской порталной резьбы, где формирование деревянной скульптуры рассматривается как процесс, происходящий под влиянием

каменной, пришедшей с материковой Европы. Анализируя характер плетения, Э. Хулер отмечает, что двойная линия плетения и изображение мифических существ, заключенных в медальоны, были широко распространены в Европе, но в Скандинавии появляются лишь к XIII в. Поэтому, по ее мнению, правомерной является как раз первая (признанная российскими учеными устаревшей) идея А. В. Арциховского — теория о единой традиции, в которой выполнены новгородские полуколонны и белокаменная резьба владимиросуздальских соборов. В первую очередь Э. Хулер, как и А. В. Арциховский, проводит параллель с Георгиевским собором Юрьева-Польского.

Э. Хулер выстраивает следующую цепочку рассуждений: деревянная скульптура, безусловно, существовала в Древней Руси, но от нее не сохранилось фактически никаких фрагментов. Такие мотивы, как грифон и кентавр, вероятнее всего, пришли из Византии, как и сложное плетение с двойным контуром. Аналогичные мотивы широко распространены в монументально-декоративной скульптуре Западной Европы и встречаются в рельефах владимиросуздальских храмов, сформированных под германо-ломбардским влиянием. Учитывая тот факт, что данные рельефы и резьба новгородских колонн имеют много общего, они должны датироваться одним временем. Таким образом, новгородские колонны являются вариантом владимиросуздальской резьбы в дереве.

Временную разницу в два века, разделяющую новгородскую и суздальскую резьбу, она объясняет возможной ошибкой при фиксации находок, для чего, в свою очередь, есть основания из-за расхождения в данных первых публикаций. Более того, Э. Хулер указывает, что для изучения полуколонн она ездила в Новгород вместе с доктором архитектуры О. Сторслеттен (Ola Storsletten), которая не подтвердила их конструктивную принадлежность к ставкирке.

Очевидное различие подходов российских и норвежских ученых объясняется разным характером материала, с которым приходится работать исследователям. Основным

³ Скандинавские авторы чаще всего не указывают точные даты стилей и предпочитают исходить не из времени создания, а из орнаментальных особенностей вещей. Здесь датировки взяты из общего труда, посвященного животным в средневековом искусстве. Они приведены для удобства соотнесения скандинавских и русских памятников, и их следует учитывать не как точные, а как приблизительные временные промежутки.

инструментом в изучении скандинавской порталной резьбы являлся стилистический анализ, с помощью которого проводится не только формирование типологии, но и определение дат. Но в данном случае мы имеем дело с археологическим памятником, стратиграфически датированным XI в., а предположение об ошибке в два века все-таки выглядит искусственным, учитывая, что других подобных случаев в новгородском материале мы не знаем. Однако идея о том, что стилистически новгородские находки не имеют ничего общего со скандинавским искусством, высказанная ведущим исследователем норвежской порталной резьбы, представляется крайне важной и заслуживающей пристального внимания.

Интересно, что статья Э. Хулер стала, во-первых, единственной публикацией, целиком посвященной именно стилистическому анализу новгородских находок, а во-вторых, практически не получила отражения в отечественной историографии, где они продолжают считаться несколько видоизмененным вариантом скандинавской традиции. Так, говоря о древнерусском плетеном орнаменте М. А. Орлова приводит аналогии стиля «Урнес» (Орлова, 2012. С. 368–369), однако плетенка «Урнеса» существенно отличается от рассматриваемого памятника. Отличительной особенностью «Урнеса» является характерный перепад толщины ленты плетения, что создает особую утонченность, даже «манерность» этого стиля. В новгородской полуколонне с медальонами мы видим двойную ленту без перепада толщин, что является прямым доказательством того, что эти памятники относятся к разным художественным традициям.

Единственной публикацией, учитывающей мнение Э. Хулера, стала статья «The archaeological study of the wooden religious architecture of medieval Novgorod» (Rodionova et al., 2016. С. 43–48) российских исследователей М. А. Родионовой, В. А. Попова и Н. Н. Точиловой, вышедшая на английском языке в сборнике «Historic Wooden Architecture in Europe and Russia: Evidence, Study and Restoration» и

потому не получившая широкого резонанса в отечественной научной среде. В этой работе представлена история изучения новгородских находок и показана вся палитра мнений относительно происхождения их декора, но не предложено собственной теории, а лишь поднят вопрос о сложности и неоднозначности рассматриваемого материала.

Уместно привести и еще одну публикацию, ценность которой заключается именно в том, что рассматриваемые объекты в нее не включены. В издании 1992 г. «From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800–1200» (Roesdahl et al., 1992) собраны вещи со всего мира, имеющие отношение к Скандинавии этого периода. В частности, в книге представлено несколько не столь широко известных находок из Новгорода и с Рюрикова городища, но вот новгородские полуколонны в этот свод не попали. Очевидно, что авторы, среди которых была и Э. Хулер, были хорошо знакомы с новгородским археологическим материалом и не включили их специально, так как не считали, что их декор имеет скандинавское происхождение.

Итак, несмотря на то что новгородские резные полуколонны являются одними из самых ценных в художественном отношении предметов из археологического слоя древнего Новгорода и что они вызывают правомерный интерес у представителей сразу нескольких дисциплин (археологов, искусствоведов и историков архитектуры), на сегодняшний день не существует единого мнения относительно того, к какой художественной традиции они принадлежат и элементами какой конструкции являются. Теория А. В. Арциховского — Э. Хулера не может быть до конца убедительной из-за того, что приведенные далматские и польские примеры не имеют явного сходства с новгородскими находками, а иконографические параллели с декором Георгиевского собора Юрьева-Польского слишком далеко отстоят от рассматриваемого памятника по времени. Теория И. Н. Кудрявцева, В. Я. Конецкого и К. Г. Самойлова, в свою очередь, основывается на конструктивных особенностях самих деталей (по большому

счету лишь на том, что это полуколонны, а не колонны), но не учитывает стилистические аспекты их декора.

Интересными в этой связи представляются упоминания новгородских находок в контексте разговора о резных каменных капителях Чернигова. Е. И. Архипова относит новгородские и черниговские памятники к одной — романской, пришедшей, вероятно, через ломбардских мастеров, — художественной традиции, считая деревянную резьбу пусть и не прямым, но аналогом более позднего каменного варианта (Архипова, 2012). Действительно, у этих памятников много общего. Двойной жгут и свободные ленты плетения одной новгородской полуколонны находят параллели в так называемой «капители 1860 г.» Борисоглебского собора Чернигова, утраченной во время войны, а центральная часть крупной пальметты, украшающей другую полуколонну, почти в точности соответствует пальметте в центре борисоглебской капители с фигурами животных (волков или гепардов (?)).

Идея включения новгородских плах в круг древнерусских памятников, созданных под влиянием романской традиции, видится очень продуктивной. Однако сложность заключается в том, что деревянные фрагменты из Новгорода остаются одиночными образцами искусства XI в. Романское влияние на каменную резьбу Чернигова относится уже к XII в., «романизация» искусства Скандинавии начинается также в начале XII столетия. Безусловно, нельзя не брать в расчет возможность существования не дошедшего до нас декора деревянных архитектурных построек самой Древней Руси, которые, возможно, уже выработали какую-то локальную традицию. Но такие предположения всегда остаются голословными без весомых доказательств.

Возвращение к изначальной концепции

В данной ситуации представляется целесообразным еще раз проверить концепцию А. В. Арциховского с учетом новых, появившихся за последние полвека, данных. Для этого необходимо обратиться к искусству Центральной Европы, а точнее — к упоми-

наемому исследователем Вавельскому собору. В своей статье А. В. Арциховский приводит в качестве примера один вавельский рельеф, виденный им во время командировки в Польшу и опубликованный Й. Стржиговским (*Strzygowski*, 1929. S. 218. Abb. 203). Этот каменный фрагмент действительно украшен плетенкой из двойных жгутов, хотя ее раппорт далек от того, что мы видим в Новгороде. Однако приведенный А. В. Арциховским пример — не единственный образец вавельских рельефов с плетенкой. Опубликованный Й. Стржиговским фрагмент был обнаружен в 1899 г. при работах в часовне Девы Марии Снежной Вавельского собора, где располагается захоронение умершего в 1550 г. епископа Самуила Мацеёвского (1499–1550). Он был вмонтирован в готическую стену часовни, но изначально принадлежал более ранней постройке (*Malik*, 2000/2001. S. 195).

В ходе консервационных работ 1914–1920-х гг. в западном крыле Вавельского собора были найдены еще два фрагмента с плетенками: капитель и фрагмент ствола колонны (*Malik*, 2000/2001. S. 195; *Wawel...*, 2000. S. 164). А в 1972 г., почти через 20 лет после выхода статьи о новгородских находках, еще четыре каменных фрагмента, наиболее интересных в данном контексте (*Malik*, 2000/2001. S. 195; *Wawel...*, 2000. S. 164). Они были открыты при раскопках захоронения Елизаветы Германской (1436–1505), жены короля Казимира IV, расположенного в капелле Св. Креста в Вавельском соборе (*Kozieł*, 1978). Как и первый рельеф, указанные фрагменты были использованы вторично.

Сегодня все семь найденных в разные годы каменных блоков часть польских исследователей связывает с одной постройкой — церковью св. Гереона (*kościół św. Gereona*), датируемой, по разным версиям, первой половиной XI в., серединой или временем после середины XI в. (*Malik*, 2000/2001. S. 197; *Wawel...*, 2000. S. 164). Другие ученые выделяют находки 1972 г. в отдельную группу и относят их не к церкви св. Гереона, а к первому Вавельскому собору, воздвигнутому в конце X — начале XI в. (*Bukowska*, 2009. S. 30–31).

Такая ранняя дата обусловлена тем, что по результатам раскопок 1981–1983 гг. время появления первой базилики предположительно связывают с основанием Краковской архиепархии в 1000 г. и, соответственно, отодвигают в самое начало XI или даже конец X в. (Firlet, Pianowski, 1985).

Для сравнения с новгородской полуколонной наибольший интерес представляют как раз вавельские находки 1972 г., а точнее — два из четырех фрагментов, декорированные плетенкой с медальоном, в центре которого расположена фигура животного (рис. 1, 3). Б. Малик (Barbara Malik) предполагает, что оба фрагмента являются частью одной плиты и предлагает реконструкцию, в результате которой собирается целый круг, а также становится понятен полный раппорт плетенки (рис. 1, 4). Согласно этой реконструкции, декор плиты состоял из двух медальонов, окруженных сложным, но регулярным переплетением жгутов, в просветах которого помещались небольшие розетки. Так как на сохранившихся фрагментах в медальоне присутствует фигура животного, вероятно, во втором тоже было какое-то изображение.

Безусловно, реконструкция Б. Малик является гипотетической, однако, если полный декор вавельского камня действительно состоял из двух медальонов, то это находит параллель в новгородском памятнике. При внимательном рассматривании новгородской полуколонны становится видно, что, несмотря на то что сама плетенка продолжается до конца сохранившегося фрагмента, его нижняя часть не содержит медальонов. То есть, вероятно, кругов здесь изначально было только два, а остальную поверхность занимало плетение.

Количество медальонов, однако, является зыбкой почвой для сравнения, так как оно может быть предположено лишь теоретически, на основе реконструкции. Полезнее будет сравнить настоящие сохранившиеся элементы декора вавельской плиты и новгородской «колонны» по нескольким критериям.

Структура плетения. В обоих случаях ленты плетения имеют постоянную ширину

и состоят из двух выпуклых жгутов. Ширина двойной ленты новгородской полуколонны — около 2 см, глубина фона — 1,0–1,2 см (по Б. А. Колчину). Ширина одного жгута ленты вавельской плетенки — 1,2 см (по Б. Малик), глубина фона не приведена. Орнамент вавельского камня образован двумя положенными рядом лентами, которые в местах пересечения переплетены по принципу корзинки, что создает сложную структуру стыков. В просветах между плетением расположены небольшие розетки. Вся композиция имеет регулярный раппорт. В новгородской находке это удвоение отсутствует. Орнамент создается одной лентой плетения, он плотнее и без просветов. На первый взгляд кажется, что новгородская плетенка имеет раппорт, но при более внимательном изучении оказывается, что раппорта в ней нет. При раскрашивании прориси новгородской находки в разные цвета, выяснилось, что узор создается хаотично наброшенными петлями.

Медальоны. В обоих памятниках ленты плетения образуют круглые медальоны. Но в вавельском камне они имеют форму замкнутого круга, а в новгородском — этот круг образован выходящими из плетенки лентами и, соответственно, может быть мысленно разомкнут в местах пересечения лент. Однако в обоих памятниках применен единый принцип окантовки этого круга: на него как бы набросаны ленты плетения. Разница лишь в том, что в новгородском примере петли «завязаны» вокруг внешнего абриса медальона, и таким образом зооморфный мотив оказывается внутри второго, более четко выраженного, круга, а в вавельском камне петли пересекают сразу весь контур медальона, поэтому круг, в котором расположен зооморфный мотив, получается менее выраженным.

Бордюр орнамента. В обоих памятниках ленты плетения, доходя до края отведенной под орнамент поверхности, возвращаются обратно, образуя по краям изобразительной плоскости волнистый кант. Орнаментальное поле полуколонны, кроме этого, окаймлено выпуклым бордюром. На вавельском камне такого бордюра нет.

Зооморфные изображения. Изображения животных на новгородской полуколонне, несмотря на то что от них сохранились только задние части туловищ, более проработаны и лучше вписаны в медальоны. И грифон, и кентавр занимают все пространство отведенных им кругов, ступая лапами по краю ленты плетения. Кроме того, сами их тела смоделированы интереснее, чем на вавельском камне: хвосты заплетены в плетенки, конструктивно не связанные с обрамляющим орнаментом, но вторящие его формам. Тело животного на вавельском камне (по мнению Б. Малик, здесь изображен ягненок) не имеет орнаментальных деталей и вписано в композицию медальона не так искусно. Его фигура достаточно схематична, задняя часть туловища далеко отстает от орнаментального края, а голова, наоборот, упирается в бордюр.

Из приведенного выше сравнения видно, что, хотя декор вавельских камней и новгородской полуколонны нельзя назвать идентичным, он очень похож. В обоих случаях мы видим орнамент, образованный двойными лентами плетения без перепадов толщин, уложенными округлыми петлями. В каждом из памятников основным смысловым ядром плетения являются медальоны с зооморфными фигурами, а плетеный орнамент как бы обрамляет эти медальоны. Кроме того, соединение медальонов с плетеным полем по своей структуре в обоих памятниках идентично: по краю круга наброшены свободные петли, как бы закрепляющие медальон в орнаментальной сети. Идентичным образом оформлены и края обоих памятников — ленты плетения, доходя до границы поверхности, поворачивают назад, создавая волнистый край орнаментального поля.

Очевидно, что А. В. Арциховский не мог знать эти рельефы, обнаруженные спустя почти 20 лет после новгородских находок. Приведенный им другой пример из Вавеля, по всей видимости, появился благодаря стечению обстоятельств: командировке 1953 г. в Польшу, о которой он пишет в своей статье, и необходимости найти аналог среди славянского искусства. Однако дальнейшее развитие

археологии неожиданно дало нам подтверждение этой теории, которая в момент ее публикации была скорее случайным и неточным наблюдением.

Славянский регион и итальянское влияние

Изучение вавельских камней имеет сложную и не совсем счастливую историю. Основная статья, рассматривающая сложение их декора, не имеющего прямых аналогов в других памятниках, была выпущена в 1974 г. Е. Ногич-Чепеловой (*Nogieć-Czepielowa*, 1974), однако в тот момент исследовательница еще не знала о последних находках из капеллы Св. Креста и не включила их в свою работу (*Wawel...*, 2000. S. 164). Она уделила основное внимание капители и фрагменту ствола колонны из раскопок 1914–1920-х гг. и каменному блоку с плетенкой из часовни Девы Марии Снежной. Согласно ее концепции, закрепившейся среди польских ученых и позже экстраполированной и на находки из капеллы Св. Креста, вавельская плетенка является специфическим предроманским вариантом развития итальянского искусства каролингской эпохи (*Nogieć-Czepielowa*, 1974. S. 30–31). Таким образом, выводы Е. Ногич-Чепеловой относительно сложения декора вавельских камней пересекаются с выводами Е. И. Архиповой о происхождении плетенки черниговских капителей. В обоих случаях корни этой традиции исследователи находят в искусстве итальянских мастеров, получившем широкое распространение в Европе и дошедшем до западных рубежей Руси (*Иоаннисян*, 2007). Открытым остается вопрос о пути сложения декора конкретной новгородской полуколонны. Иными словами, возник он как самостоятельная реакция на итальянскую традицию, или же это заимствование второго порядка — через регион-посредник.

Для Польши семь каменных фрагментов с плетенкой являются уникальными памятниками, не имеющими точных иконографических аналогов и не зафиксированными в письменных источниках (*Malik*, 2000/2001.

S. 195). Однако подобный плетеный декор находит очень близкие параллели в искусстве соседних регионов. Так, широко известны аналогии, проведенные между вавельскими находками и колоннами из крипты костела св. Вита в Праге. Е. Ногич-Чепелова провела стилистический анализ этих памятников и выяснила, что пражский декор моложе вавельского (*Nogieć-Czepielowa*, 1974. S. 22). Чешские ученые поддерживают эту точку зрения и даже высказывают гипотезу о возможном пути попадания польской традиции в Чехию — через мастеров, привезенных сюда благодаря браку чешского короля Вратислава II со Светославой Польской (*Merhautová, Třeštík*, 1983. S. 83), состоявшемуся в 1085 г. В контексте связей с Русью здесь важно отметить, что Светослава Польская была дочерью польского князя Казимира I Восстановителя и сестры Ярослава Мудрого Марии Добронеги.

Наличие разветвленных русско-польских контактов в этот период не вызывает сомнений. Лучше всего они прослеживаются в зодчестве Галицко-Волынской земли, исследованном О. М. Иоаннисяном. В статье «К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI — начале XIII в.» он приводит развернутую реконструкцию художественного процесса того времени, разворачивающегося на западных рубежах древнерусского государства, и указывает: «Среди западных соседей Руси Польша занимает особое место. Ни одно из средневековых государств Европы, граничивших с Русью, не соприкасалось с ней на таком огромном пространстве — от Карпатских гор на юге до Немана и Западной Двины на севере. После установления государственности на Руси и в Польше между Рюриковичами и Пястами начиная с XI в. устанавливаются теснейшие и глубоко разветвленные династические связи» (*Иоаннисян*, 2002. С. 206).

В зодчестве Северо-Запада мы не находим столь явных архитектурных заимствований, однако здесь дают о себе знать другие культурные и этнические аспекты, нашедшие отражение в археологическом материале.

Проведенное В. М. Горюновой исследование керамики X — начала XI в. из Новгорода и с Рюрикова городища показало наличие в этих центрах западнославянских образцов с польских и немецких территорий и местных, подражающих им, форм (*Горюнова*, 2005). Более того, сила западнославянского импульса была так велика, что именно под его воздействием на Северо-Западе Руси впервые начинает использоваться гончарный круг (*Горюнова*, 2007. С. 238). Не стоит обходить вниманием и базовую этническую общность двух этих регионов: В. В. Седов убедительно доказывал западнославянское происхождение ильменских словен, основываясь на анализе погребальной обрядности и кранеологическом материале (*Седов*, 1995. С. 244–245). Безусловно, этнический аспект и распространение типов керамики в раннеславянской среде не может служить подтверждением миграции мастеров или заимствования художественной традиции. Однако они показывают наличие устойчивых русско-польских связей в догосударственный и ранний государственный периоды. А это, в свою очередь, косвенным образом могло отразиться на том, что в ранние века новгородской истории польская художественная традиция воспринималась здесь легко и не встречала сопротивления.

Возвращаясь к разговору о польском и чешском зодчестве этого периода, следует сказать, что фрагмент ствола колонны из Вавеля действительно имеет много общего с колоннами из крипты костела св. Вита, где сохранились не только фрагментированные, но и целые образцы. А. Мерхаутова (*Anežka Merhautová*) и Д. Трештик (*Dušan Třeštík*) опубликовали две колонны из этого собора, обе датированные 1061–1094 гг. (*Merhautová, Třeštík*, 1983. S. 66–67). Одна из них, действительно, очень похожа на вавельский пример, другая имеет с ним меньше сходства — ее поверхность украшает сложное переплетение жгутов, почти посередине ствола разделенное обхватывающей окружность косой плетенкой.

Аналогичный декор, состоящий из разных видов переплетений и кос, оплетающих

цилиндрические поверхности, можно увидеть на целом ряде новгородских предметов декоративно-прикладного искусства. Это рукояти булав или посохов, которые, согласно наблюдениям Б. А. Колчина, получили наибольшее распространение в XII–XIII вв. (Колчин, 1971. С. 21–23). В свою очередь орнамент, очень похожий на тот, что украшает другую чешскую и фрагмент польской колонны, очень похож на способ проработки «гривы» «дракона», вырезанную на рукояти одного из новгородских ковшей начала XI в. При разговоре об орнаменте крайне сложно и не всегда возможно найти точные параллели, однако способ организации плетенки (сложное переплетение по типу кос, двойные или тройные ленты), украшающей многие новгородские предметы домонгольского времени, имеет большое сходство с архитектурной резьбой Чехии и Польши XI в.

«Стилистическая многоголосица» искусства древнего Новгорода

Здесь важно затронуть один теоретический вопрос, касающийся понятия «стиля» раннего периода новгородского искусства. Характерно, что в статьях разных авторов, пишущих о новгородских полуколоннах, речь чаще всего идет только об одной из них — украшенной плетенкой с медальонами. Полуколонна с пальметтой обычно упоминается лишь вскользь и практически не анализируется, хотя, вероятно, обе они принадлежали одному памятнику. Если рассматривать их вместе, как части одной архитектурной постройки, то неизбежно возникает диссонанс, так как нам с нашим современным пониманием стиля и гармонии сложно представить эти фрагменты в одном ансамбле.

Интересно экстраполировать это наблюдение о стилевой разнородности начального периода новгородской истории на более широкий круг памятников, для чего именно в этом регионе имеется благодатная почва. Мокрый археологический слой и многолетние раскопки дали нам обильный материал, состоящий не из отдельных ярких произведений искусства, а из значительно большего

количества бытовых предметов, хорошо демонстрирующих повседневный визуальный контекст, который окружал людей в этот период. Для примера выберем несколько памятников, относящихся к XI в., и попытаемся проследить стилистические истоки их декора. Так, XI в. датируются два деревянных бруса, орнамент которых явно сложился под влиянием искусства Скандинавии (Колчин, 1971. Табл. 19). Тем же XI в. датируется только что упомянутая рукоять ковша в виде головы «дракона» (Бочаров, 1969. Табл. 54), польский и чешский аналоги декора которой были продемонстрированы выше. И к этому же столетию относится цера конца XI в. (Бочаров, 1969. Табл. 46), мотив украшения которой практически полностью повторяет орнамент серебряного византийского реликвария XI в. (Даркевич, 1975. С. 225). Но изредка встречаются и удивительно точные совпадения. Например, фактически одинаковыми телами «драконов» украшены один из упомянутых выше брусков и копыл XI в. (Точилова, 2015. С. 268. Рис. 3, 2). Таким образом, археологические раскопки иногда приносят нам почти точные аналогии ранее найденных вещей, но это частные случаи, при разговоре о которых, по всей видимости, речь должна идти об одной мастерской или одном мастере, а не о единстве традиции в целом. Сам же мир новгородского прикладного искусства этого времени оказывается крайне пестрым, поэтому говорить о едином «стиле» в современном понимании этого термина нам кажется рискованным.

В этой стилистически хаотичной визуальной среде могут быть выделены отдельные традиции: византийская, скандинавская и, видимо, предроманская. Последняя, насколько нам известно, ранее не упоминалась при разговоре о новгородском археологическом материале, однако ее наличие в «малых формах» древнерусского искусства исследователями отмечалось (Беляев, 2000. С. 740). Именно поэтому при работе с новгородскими вещами мы регулярно сталкиваемся с памятниками, ставящими нас в тупик своей уникальностью, в то время как дело здесь,

по всей видимости, не в «необычности» отдельных находок, а в отсутствии единства визуальной среды в целом.

В качестве очевидного примера такой стилистической «многоголосицы» стоит привести один широко известный древнерусский памятник. Речь идет о Юрьевском евангелии (1119–1128 гг.), в котором обычно выделяются отдельные инициалы, относимые исследователями к разным традициям: византийской и североевропейской (Орлова, 2012. С. 373–374). Об этой особенности памятника, хорошо маркирующей состояние новгородского искусства первой половины XII в., пишет М. А. Орлова: «Скорее, здесь можно говорить о начальном этапе появления отдельных элементов нового стиля в этнически пестрой средневековой художественной среде, насыщенной произведениями разных культурных ареалов. Это и демонстрирует искусство Новгорода» (Орлова, 2012. С. 374). В отличие от новгородских полуколонн, которые все-таки могут быть отнесены к одной постройке с некоторой долей вероятности, единство Юрьевского евангелия не вызывает у нас сомнений. Это один памятник, и притом памятник не низовой культуры. Но в нем легко вычленяются разные традиции, относимые к разным регионам.

В завершение возвратимся ко второй новгородской полуколонне, украшенной крупной пальметтой, которую часто называют «Древом жизни» (Архипова, 2015. С. 315). Декор этого предмета как бы разбит на два регистра: пустое поле внизу и орнаментальная композиция вверху. За счет этой особенности возникает даже ощущение некой незавершенности памятника, однако его обнаружение в условиях вторичного залегания свидетельствует о том, что ранее он использовался и, следовательно, был завершен. Выскажем крайне рискованное предположение, которое, к сожалению, нельзя подтвердить на данном этапе: возможно, здесь мы имеем дело с условным делением деревянного фрагмента на «ствол» и «капитель» колонны. Подобный архитектурный декор получил широкое распространение в Польше — например,

в городах Вонхоцк (Wąchock) и Енджеюв (Jędrzejów) (Walicki, 1971. S. 468–469, w. 565, 573, 574). Иконографически особенно близка новгородскому изображению капитель из Енджеюва, украшенная крупной пальметтой с завитками по бокам (Walicki, 1971. С. 468, w. 565). Однако все эти примеры относятся к XIII в., и если в Польше не будут найдены более ранние образцы, доказывающие, что эта традиция существовала здесь и ранее, они не могут быть использованы как прямые аналоги новгородской «колонны».

Выводы

В заключении этой статьи хотелось бы еще раз обозначить основные наблюдения.

1. Плетеный орнамент новгородской «колонны» не находит аналогов в скандинавском искусстве поздней эпохи викингов, современной ему по времени.

2. Медальоны с животными маркируют след романской традиции, однако известные нам памятники, созданные под ее влиянием на связанных с Русью территориях, относятся к более позднему времени. Единственный близкий аналог был найден нами в предроманском польском искусстве конца X — начала XI в., а более детальное изучение польско-чешских памятников этого периода выявило и другие параллели между русским и центральноевропейским искусством этого времени.

3. Русско-польские связи раннего периода Древнерусского государства известны не так широко, как связи русско-византийские или русско-скандинавские, однако они подтверждаются историческим контекстом, матримонными отношениями и археологическим материалом.

4. Таким образом, на наш взгляд, декор новгородских полуколонн был создан под влиянием предроманского искусства, в данном случае пришедшего на Русь из польских земель, что доказывает присутствие этой традиции на Северо-Западе Руси в XI в. А это, в свою очередь, подтверждает появление романских элементов в древнерусском искусстве раньше известных памятников XII в.

- Архипова, 2012 — Архипова Е. И. Романская архитектурная резьба Борисоглебского собора в Чернигове // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В. Й. Довженка (Чернігів — Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.) / Інститут археології НАН України, Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка. Київ; Чернігів, 2012. С. 25–35.
- Архипова, 2015 — Архипова Е. И. Архитектурный декор и скульптура XII века Южной, Юго-Западной Руси и Рязани // История русского искусства: В 22 т. / Отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. Т. 2. Кн. 2: Искусство второй половины XII века. С. 306–353.
- Арциховский, 1954 — Арциховский А. В. Колонна из новгородских раскопок // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. № 4. М.: МГУ, 1954. С. 65–68.
- Беляев, 2000 — Беляев Л. А. Общевропейские элементы в древнерусском искусстве. X–XII вв. // Из истории русской культуры / Сост. В. Я. Петрухин. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 732–755 (Язык. Семиотика. Культура).
- Бочаров, 1969 — Бочаров Г. Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М.: Наука, 1969. 208 с.
- Гайдуков, 2010 — Гайдуков П. Г. К 50-летию начала дискуссии «О новгородской хронологии» // НиНЗИА. Великий Новгород: Печ. Двор «Великий Новгород», 2010. Вып. 24. С. 101–111.
- Горюнова, 2005 — Горюнова В. М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X — начала XI вв. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 82–121 (Тр. ИИМК РАН. Т. XVIII).
- Горюнова, 2007 — Горюнова В. М. О возникновении раннегончарного производства в Северо-Западной Руси // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник: Материалы МНК 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород / Отв. ред. Е. Н. Носов и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 221–139.
- Даркевич, 1975 — Даркевич В. П. Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII веков. М.: Искусство, 1975. 350 с.: ил.
- Джаксон, 2001 — Джаксон Т. Н. Austrigordum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001. 208 с., рис., табл.
- Засурцев, 1967 — Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М.: Наука, 1967. 206 с.
- Иоаннисян, 2002 — Иоаннисян О. М. К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI — начале XIII в. // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. № 22. С. 206–230.
- Иоаннисян, 2007 — Иоаннисян О. М. О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века // Ruthenica. Київ: Ruthenica, 2007. № 6. С. 134–188.
- Клейн, 2009 — Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.
- Колчин, 1956 — Колчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Тр. Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 44–137 (МИА. № 55).
- Колчин, 1971 — Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971. 184 с. (Археология СССР. САИ. Вып. Е1-55).
- Конецкий, Самойлов, 1999 — Конецкий В. Я., Самойлов К. Г. О некоторых аспектах культуры средневекового Новгорода // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. № 7(17). С. 3–14.

- Кудрявцев, 1995 — Кудрявцев И. Н. Деревянные полуколонны из Новгорода и их северо-европейские аналогии // Славяно-русские древности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Вып. 2: Древняя Русь: новые исследования. С. 211–218.
- Мельникова, 1996 — Мельникова Е. А. Культ святого Олава в Новгороде и Константинополе // Византийский временник. М.: Наука, 1996. № 56. С. 92–106.
- Орлова, 2012 — Орлова М. А. Орнамент и другие элементы декоративного убранства в живописи середины 1120-х — начала 1160-х годов // История Русского искусства. М.: Государственный институт искусствознания, 2012. № 1–2. С. 336–441.
- Рыбина, 1986 — Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1986. 176 с.
- Седов, 1995 — Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М.: ИА РАН, 1995. 416 с.: ил.
- Снегальский, 1972 — Снегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1972. 273 с.: ил.
- Точилова, 2015 — Точилова Н. Н. Скандинавская художественная традиция в деревянных археологических памятниках прикладного искусства Древнего Новгорода X–XIII вв. // НиНЗИА. Великий Новгород, СПб.: НГОМЗ: Первый ИПХ, 2015. Вып. 29. С. 263–273.
- Янин, 1983 — Янин В. Л. День десятого века // Знание — сила. М.: Знание, 1983. № 3. С. 15–18.
- Bukowska, 2009 — Bukowska A. Some questions surrounding monumental architecture of the Early Medieval Poland around the year 1000 // *Situne Dei*. Sigtuna: Sigtuna Museum, 2009. P. 21–33.
- Firlet, Pianowski, 1985 — Firlet J, Pianowski Z. Sprawozdania z badań w podziemiach katedry wawelskiej 1981–1983. Odkrycie kościoła przedromańskiego // *Sprawozdania Archeologiczne*. Krakow: Polska Akademia Nauk, 1985. № 37. S. 243–249.
- Fuglesang, 1981 — Fuglesang S. H. Stylistic groups in late Viking and early Romanesque art // *Acta ad Archaeologiam et Artium Historiam Pertinentia*. Rome: Series altera in 8 (1), 1981. № 1. P. 79–125.
- Glosecki, 2016 — Glosecki S. O. Movable Beasts: The Manifold Implications of Early Germanic Animal Imagery // *Animals in the Middle Ages*. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. P. 3–25.
- Hohler, 1999 — Hohler E. B. Norwegian stave church sculpture. Analytical Survey, Catalogue (Medieval art in Norway). Oslo: Scandinavian Univ. Press, 1999. Vol. 1. 265 p., ill., pl.
- Hohler, 2003 — Hohler E. B. Two wooden posts found in Novgorod: a note on their date and stylistic connection // *Collegium Mediaevale*. Oslo: Collegium Mediaevale, 2003. № 16. P. 37–50.
- Kozieł, 1978 — Kozieł S. Badania archeologiczne w kaplicy Świętokrzyskiej na Wawelu w latach 1972–1973 // *Studia do dziejów Wawelu*. Krakow: Ministerstwo Kultury i Sztuki, 1978. № 4. S. 441–459.
- Malik, 2000/2001 — Malik B. Relikty przedromańskiej dekoracji plecionkowej na Wawelu // *Studia Waweliana*. Krakow: Zbiory, 2000/2001. № 9/10. S. 194–204.
- Merhautová, Třeštík, 1983 — Merhautová A., Třeštík D. Románské umění v Čechách a na Moravě. Praha: Odeon, 1983. 362 p., ill.
- Nogieć-Czepielowa, 1974 — Nogieć-Czepielowa E. Pozostałości dekoracji rzeźbiarskiej I katedry wawelskiej // *Folia Historiae Artium*. Krakow: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. № 10. S. 5–36.
- Rodionova et al., 2016 — Rodionova M. A., Popov V. A., Tochilova N. N. The archaeological study of the wooden religious architecture of medieval Novgorod // *Historic Wooden Architecture in Europe and Russia: Evidence, Study and Restoration*. Basel: Birkhäuser, 2016. P. 42–55.
- Roesdahl et al., 1992 — Roesdahl E., Árnadóttir L., Edgren T., Hohler E. B., Liebgott N.-K., Tegnér G. From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800–1200. København: Nordisk Ministerråd, 1992. 429 p., ill., pl.
- Strzygowski, 1929 — Strzygowski J. Die Altslavische Kunst: ein Versuch ihres Nachweis. Augsburg: Benno Filser Verlag, 1929. 925 s., ill.

Walicki, 1971 — *Walicki M.* Dekoracja architektury i jej wystrój artystyczny // *Dzieje sztuki polskiej: Sztuka polska przedromańska i romańska do schyłku XIII wieku.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971. T. 1. S. 21–24.

Wawel..., 2000 — *Wawel 1000–2000. Jubilee Exhibition 5 May — 30 July 2000. Guidebook (Artistic Culture of the Royal Court and the Cathedral. Cracow Cathedral — Episcopal, Royal and National).* Kraków: Zamek Królewski na Wawelu, 2000. Vol. I. 50 p., ill.

Pre-Romanesque impulse in the art of Novgorod of the 11th century. «Columns of oaken St. Sophia»

N. N. Tochilova, A. A. Slapinya

This article is devoted to the Romanesque style influence on the decorative art of Veliky Novgorod in the pre-Mongol period. The main attention is focused on two unique fragments of monumental-decorative wood carving found by A. V. Artsikhovskiy during excavations in 1953. Modern Russian researchers refer them to the North-European artistic tradition while Scandinavian scholars deny this interpretation believing that Novgorodian artefacts are related to the Old-Russian art proper. This article gives a detailed analysis of the historiography and puts forward a new hypothesis. According to it, the Novgorodian fragments represent the local variant of the early Romanesque art that probably came to Russia via Central Europe. The style of the Novgorodian finds is analyzed in detail. It does not correspond to the Scandinavian styles that existed during this period. Particular attention is paid to the stylistic comparison between the Novgorodian artefacts and stone reliefs of the first Wawel Cathedral in Krakow.